

– Нет, честное слово, – отвечал тот, – ничего больше ты не узнаешь.

– Ладно же, – сказал оруженосец, – ежели впредь залучу лакомый кусочек, так буду так же скрытен с вами, как и вы со мной неоткровенны.

И настал день, когда добрый тот рыцарь пригласил оруженосца отужинать в Руанском замке, где сам прожирал. Тот явился, и они отлично потрапезовали, но когда ужин кончился и они еще немного побеседовали, благородный рыцарь, который в назначенный час должен был отправиться к своей даме, отпустил оруженосца и сказал:

– Вам известно, что нас на завтра ждет большая работа и что надо нам рано встать ради такого-то дела и еще ради такого-то, которые надлежит завершить. Лучше нам будет пораньше лечь спать, а посему желаю вам доброй ночи.

Оруженосец, хитрый от природы, сразу догадался, что добрый рыцарь собирался пройтись по такому делу и для того лишь прикрывается завтрашней работой, чтобы его спровадить, – не подал виду, а только сказал, прощаясь с рыцарем и желая ему доброй ночи:

– Ваша правда, монсеньор. Встаньте завтра пораньше, и я поступлю так же.

Спустившись вниз, наш добрый оруженосец увидел у дворцовой лестницы маленького мула; а кругом не было никого, кто бы того мула сторожил. Тотчас же сообразил оруженосец, что встреченный им на лестнице паж пошел за хозяйским чепраком, да так оно и было.

– Ого! – сказал он про себя. – Не без причины отпустил меня хозяин в столь ранний час. Вот его мул только и дожидается, пока я уберусь, чтоб отвезти своего хозяина туда, куда меня не хотят пускать. Эх, мул, мул, – продолжал он, – ежели бы ты умел говорить, сколько бы ты хороших дел порассказал. А теперь отведи меня, пожалуйста, туда, куда собирается твой хозяин.

И с этими словами он велел своему пажу подержать стремя, вскочил в седло, отпустил поводья и предоставил мулу трусить рысцой, куда ему заблагорассудится.

А добрый мул повез его из улочки в переулочек, то вправо, то влево, покуда не остановился перед маленькой калиткой в косом тупичке, куда обычно ездил на нем хозяин; а ото был вход в сад той самой дамы, которую оруженосец так долго обожал и с отчаяния бросил.

Он сошел с мула и легонько постучался в калитку; тут какая-то девица, караулившая за оконной решеткой, спустилась вниз и, думая, что это рыцарь, сказала:

– Добро пожаловать, монсеньор: вот госпожа ожидает вас в горнице.

Она не опознала его, потому что было темно, а он прикрыл лицо бархатной полумаской. И добрый оруженосец ответил:

– Иду к ней.

А затем шепнул на ухо своему пажу:

– Иди скорее и отведи мула туда, откуда я его взял, а затем отправляйся спать.

– Будет сделано, монсеньор, – отвечал тот.

Девица заперла калитку и вернулась в свою комнату. А наш добрый оруженосец, крепко раздумывая о своем деле, уверенной поступью идет в горницу к даме, которую он застал уже в нижней юбке и с толстой золотой цепью вокруг шеи. И так как он был любезен, вежлив и очень учтив, то отвесил ей почтительный поклон, а она, изумившись, точно у нее рога выросли, сперва не знала, что ответить, но наконец спросила, что ему тут нужно, откуда он в такой час явился и кто его впустил.

– Сами можете догадаться, сударыня, – сказал он, – что не будь у меня иного помощника, кроме меня самого, то мне бы ни за что сюда не проникнуть. Но, слава богу, некто, больше меня жалеющий, чем вы, оказал мне такое одолжение.

– Кто же это вас сюда привел, сударь? – спросила она.

– Поистине, сударыня, не стану от вас скрывать: такой-то сеньор (и тут он назвал того, кто угощал его ужином) направил меня к вам.

– Ах он предатель и вероломный рыцарь! – говорит она. – Вот как он надо мной издевается? Ну ладно же, ладно: придет день, когда я ему отомщу.

– Ах, сударыня, нехорошо так говорить, ибо никакой в том нет измены, чтоб удружить приятелю и оказать ему помощь и услугу, когда можешь. Вам известно, какая крепкая дружба издавна повелась между ним и мною, и ни один из нас не скрывает от приятеля того, что у него на сердце. И вот недавно я признался и исповедался в той великой любви, которую к вам питаю, и как по этой причине нет у меня в мире ни единой радости; и ежели каким ни на есть способом не попаду я к вам в милость, то невозможно мне долго прожить в мучительных сих страданиях. Когда же до-